

Валентин Пикуль

Восемнадцать штыковых ран

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Восемнадцать штыковых ран

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Восемнадцать штыковых ран / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Кровь, слезы и лавры)

«Смею заверить вас, что Александр Карлович Жерве был очень веселый человек. Поручик лейб-гвардии славного Финляндского полка (а сам он из уроженцев Выборга), Жерве слыл отчаянным шутником, талантливо прикидываясь глупеньким, пьяным или без памяти влюбленным...»

Валентин Пикуль

Восемнадцать штыковых ран

Смею заверить вас, что Александр Карлович Жерве был очень веселый человек. Поручик лейб-гвардии славного Финляндского полка (а сам он из уроженцев Выборга), Жерве слыл отчаянным шутником, талантливо прикидываясь глупеньким, пьяным или без памяти влюбленным. Жерве был склонен к шутовству даже в тех случаях, когда другим было не до смеха. Так, например, когда его невеста Лиза Писемская уже наряжалась, готовая ехать в церковь для венчания, Жерве был внесен с улицы мертвецки пьяным и водружен у порога, как скорбный символ несчастного будущего. Лиза в слезах, родня в столах, а жених только мычит. Дворника одарили рублем, чтобы выносил жениха на улицу, ибо свадьбе с таким пьяницей не бывать, но тут Жерве вскочил, совершенно трезвый, заверяя публику:

– Бог с вами! Да я только пошутил.

Отец невесты, важный статский советник, сказал:

– Не женить бы тебя, а драть за такие шуточки...

С тех пор прошло много-много лет. Жерве превратился в старого брюзгливого генерала, и ему, обремененному долгами и болезнями, было уже не до шуток. Однако, читатель, было замечено, что, посещая храмы Божии в дни будние или табельные, генерал не забывал упомянуть «раба Божия Леонтия», по этому же Леонтию он заказывал иногда панихиды. Это стало для него столь привычно, а сам Александр Карлович так сроднился с этим «Леонтием», что священник, хорошо знавший его семейство, однажды спросил вполне резонно:

– А разве в роду дворян Жерве были когда Леонтии?

– Нет, не было, – отвечал старик почти сердито. – Но и меня не было бы на свете, если б не этот Леонтий по прозвищу Коренной, который в лютейшей битве при Лейпциге воспринял от недругов сразу ВОСЕМНАДЦАТЬ штыковых ран, чтобы спасти всех нас, грешных, от гибели неминуемой...

Наверное, он не раз слышал, как распевали солдаты в строю:

Сам Бонапарт его прославил,
приказ по армии послал,
в пример всем русского поставил,
чтоб Коренного всякой знал...

Но в том-то и дело, что у нас «всякой» его не знает.

Эту миниатюру я посвящаю военным людям, и думается, что читателю, далекому от дел батальных, она покажется скучноватой. Сразу же предваряю: было время наполеоновских войн, а в ту пору каждый выстрел по врагу давался нашему солдату не так-то легко. В одну минуту он мог выстрелить не более двух раз – при условии, что вояка он опытный, дело свое знающий.

Заряжение ружья проводилось строго по пунктам:

*из сумки за спиной достань бумажный патрон,
зубами откуси верхушку гильзы,
возьми пулю в рот и держи ее в зубах,
пока из гильзы сыпешь порох в дуло ружья,
остаток пороха сыпь на «полку» сбоку ружья,
тут же «полку» закрой, чтобы не просыпался порох,
теперь клади в ствол ружья и пулю,*

хватай в руки шомпол,
как можно туже забивай пулю шомполом в дуло,
туда же пихай и бумажный пыж (оболочку от гильзы),
убери шомпол, чтобы он тебе не мешал,
избери для себя врага, самого лютого,
начинай в него целиться,
а теперь *стреляй*, черт тебя побери!

Конечно, при таких сложностях стрелять в бою приходилось мало, и потому особенно ценился штыковой удар...

Служили тогда солдаты по 25 лет кряду, так что под конец службы забывалась родня. Зато казарма становилась для них родной горницей, однополчане заменяли отцов, сватьев, братьев и кумовей. Почему, вы думаете, в России так много было домов для инвалидов и богаделен? Да потому, что многие солдаты, отбарабанив срок, уже не возвращались в деревни, где о них давно позабыли, а пристраивались в банщики или дворники, но большинство оседали в солдатских приютах, даже в старости не разлучаясь с казарменным обществом.

Странно? А я не вижу в этом ничего странного...

Леонтий Коренной служил в гарнизоне Кронштадта.

И тоже не верил, что его станут дожидаться в деревне, поглядывая из-под руки на дорогу. Потому не стал охать да ахать, слезы горючие проливая, а женился на молодой Прасковье, что по батюшке звалась Егоровной. Правда, свадьбу сыграл не сразу, а когда перевалило ему за сорок и пошло на пятый десяток. Другим же солдатам, которые помоложе, хоть они тут извойся, жен заводить не дозволялось – еще не заслужили.

Ладно. Дело прошлое. Стал наш Леонтий Коренной жить по-людски, и когда холостяки разбредались по трактирам, Леонтий бодрым шагом, салютуя прохожим офицерам, шагал прямо к Парашке, никуда теперь не сворачивая. А уж она его не обижала: тут тебе и щи домашние, и кот на лежанке песни поет, мурлыча о кошках, и огурчик соленый приготовлен – на закуску.

– А как же иначе? – рассуждал Коренной. – На то самое человеки разные бабами и обзываются... Тебе же, Егоровна, прямо скажу, и цены нет в базарный день. Ублажила!

– Да и ты, Левонтий, не в дровах найденный, – говорила в ответ ему женушка. – Я как-никак тоже глядела, чтобы не обмишуриться. Мне шатучих не надобно. Мне подавай солидного, чтобы с бакенбардами. Вот и сподобилась, слава те Господи...

Но вот грянул 1807 год, год беспримерной битвы у Прейсиш-Эйлау, который у нас забывают по той причине, что привыкли поминать сразу 1812 год. Однако, читатель, еще Аустерлиц аукнулся в Питере нехваткой солдат, и тогда заслуженных ветеранов, что были поздоровее, стали переводить в гренадерские роты. А такому молодцу, каков Коренной, сам Бог велел служить в гренадерах. Ростом вышел горазд исправен, никаких хвороб не имел, вот и перевели его в лейб-гвардии Финляндский полк.

Этот полк, раньше и позже, был славен талантами офицеров: в музыке – композитор Титов, знаменитый «дедушка русского романса», в литературе – два писателя, Марин и Дружинин, а в живописи – ну кто же не знает Федотова? Строгостей в полку было много, но мордобоем офицеры не грешили, отношения у них с солдатами были согласные. А таких старослуживых, как Коренной, набралось в полку человек пять – все с женами, и жены солдатские не мотались по углам с узлами, а законно селились подле казарм, и даже не без корысти – офицерам бельишко стирали, иные на огородах копались, коз разводили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.